

только не докажут, что они приложили максимум усилий для получения разрешения, приложили, в соответствии с высокими отраслевыми стандартами, максимум усилий для обеспечения недоступности произведений, в отношении которых правообладатели предоставили провайдерам соответствующую информацию или действовали оперативно, после получения обоснованного уведомления от правообладателя, чтобы отключить доступ или удалить произведения со своих веб-сайтов и приложили максимальные усилия для предотвращения загрузки в будущем (п. 4 ст. 17) [1]. Таким образом, на провайдеров налагается две обязанности: получение лицензий, а если это не удастся, то предотвращение совместного использования контента третьих лиц, нарушающего авторские права, без дальнейшего уточнения мер, необходимых для этой цели. Кроме того, требуется, чтобы контент третьих лиц, нарушающий авторские права, который был загружен на платформу и о котором провайдер был уведомлен, удален, заблокирован от доступа третьих лиц, а в будущем ограничен от повторной загрузки на платформу [2].

Таким образом, положения ст. 17 Директивы отступают от ранее принятой в Европейском Союзе концепции «безопасной гавани» хостинга, при которой провайдер не несет ответственности, если он не знал о незаконном характере его деятельности и незамедлительно прекратил доступ к информации. Отныне провайдер несет прямую ответственность за несанкционированные действия по передаче информации общественности, если не получит или не может получить необходимые разрешения от правообладателя.

Литература

1. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC [Electronic resource] // EU law. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj>. – Date of access: 09.11.2022.

2. Spindler, G. The Liability system of Art. 17 DSMD and national implementation – contravening prohibition of general monitoring duties? [Electronic resource] / G. Spindler // JIPITEC – Journal of Intellectual Property, Information Technology and E-Commerce Law. – 2019. – 10 (3). – Mode of access: <https://www.jipitec.eu/issues/jipitec-10-3-2019/5041>. – Date of access: 09.11.2022.

О противоправности как признаке преступления

*Бурак Н. И., студ III к. ГрГУ им. Я. Купалы,
науч. рук. доц. Хилута В. В., д-р юр. наук, доц.*

Уголовный закон ввиду своего существенного влияния на судьбы людей обязан быть лаконичным и иметь смысловую однозначность. Но на чем они

жиждется? На понятии и признаках преступления. Соответственно, выше-названные черты закона должны быть присущи и его основе – понятию.

Законодатель Республики Беларусь дает определение преступления в ч. 1 ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Преступление – это совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными УК, и запрещенное им под угрозой наказания [1]. Исходя из данного законодательного определения можно выделить следующие признаки деяния для признания его преступным: виновность, общественная опасность, противоправность и наказуемость. Под противоправностью понимаются признаки, предусмотренные УК и запрещенность.

Однако что есть противоправность? Если рассматривать с естественно-правовых позиций, то право и закон (позитивное право) – это не тождественные понятия. Право есть всеобщий порядок, который человек толкует путем издания законов. Под законами нами подразумевается не только нормативно-правовой акт, принятый законодательным органом, но и вообще любой нормативный акт, соотносящийся с правом. Право находит свое отражение в законе. И норма права в привычном понимании – по сути своей норма закона (позитивного права). Практически любое деяние можно признать нарушающим право, а вот закон – только в том случае, если об этом прямо указано в законе. Таким образом, нами утверждается, что право познается законодателем и отражается в законе. И преступлением будет лишь то, что таковым прямо указано в законе, а не в умоэзительном и непознаваемом тождественно праве.

Но что об этом думают иные исследователи? Так, Б. Б. Джамалова и В. Ю. Округко указывают о том, что под противоправностью следует понимать формальное, юридическое свойство деяния, которое выражается в соответствующей законодательной конструкции, закрепленной в уголовно-правовой норме, определяемой субъективным усмотрением высших органов власти, носящее абстрактный, но определенный характер, позволяющий идентифицировать деяние на практике и устанавливающее запрет на его совершение [2, с. 300]. Таким образом, противоправность есть нарушение законодательной конструкции.

А. Н. Петрушенков считает, что противоправность – это неотъемлемый формальный признак преступления, отражающий волю государства и общества по отношению к общественно опасным деяниям через уголовную политику, который выражается в букве уголовного закона и иных нормативных правовых актах посредством процесса правотворчества [3, с. 268]. Данное определение указывает на то, что преступление лишь то, что таковым указано в букве уголовного закона.

Подводя итог, нами утверждается, что «противоправность» – это неправильное название для признака преступления, означающего указание на

нарушение лицом существующей в законе конструкции преступного деяния. Право и закон не тождественны, однако первое должно отражаться во втором. И законодатель интерпретирует право путем издания соответствующих законов. Соответственно, лица нарушают не право в его истинном значении, а его интерпретацию, т. е. закон. Таким образом, представляется разумным указывать не на неопределенный признак противоправности, а на его запрещенность законом. Так, деяние признается преступным, если оно таковым регламентировано не спекулятивным правом, а конкретным законом. *Nullum crimen, sine lege*.

Литература

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 276-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13 мая 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Джамалова, Б. Б. Понятие и основные характеристики уголовной противоправности как формального признака преступления / Б. Б. Джамалова, В. Ю. Окружко // Современный ученый. – 2019. – № 6. – С. 297–301.
3. Петрушенков, А. Н. Понятие запрещенности общественно опасного деяния и проблемы ее реализации в Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации / А. Н. Петрушенков // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – С. 263–269.

Обеспечение доказательств должностными лицами загранучреждений Республики Беларусь

*Бурсевич М. С., студ. IV к. ГрГУ им. Я. Купалы,
науч. рук. доц. Кирвель И. Ю., канд. юр. наук, доц.*

Обеспечение доказательств – это закрепление обстоятельств, необходимых для обоснования позиции заинтересованного лица в определенных законом органах, осуществляемое в установленном законом порядке судьями, нотариусами, должностными лицами дипломатических представительств и консульских учреждений Республики Беларусь [1, с. 240].

Наряду с нотариусами в Республике Беларусь доказательства могут обеспечивать должностные лица заграничных учреждений, к которым, согласно п. 1 ст. 12 Закона от 18 июля 2004 г. № 305-З «О нотариате и нотариальной деятельности» (далее – Закон о нотариате) [2], относятся дипломатические агенты дипломатических представительств Республики Беларусь в случае выполнения консульских функций дипломатическими представительствами